

Содержание

Мой адрес — Советский Союз	5
<i>Первое знакомство с Москвой</i> <i>(вместо предисловия)</i>	6
Сюрприз	8
Студенческий хлеб	11
Удивительный В. Высоцкий!	18
Москва и москвичи	24
Отец	30
Старая графиня	39
Курица не птица, но Болгария — заграница!	53
В баре гостиницы «Интурист»	69
Гений импровизации	79
Знаки судьбы	107
Чужие письма	113
«Маленькая Европа» в СССР	159
Дотянуться до звезды	175
Фальшивая нота	207
Живая легенда	241
Информация об авторе	271

Мой адрес — Советский Союз

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С МОСКВОЙ (вместо предисловия)

Я смотрела на Андрея Миронова и понимала, что теряю чувство реальности, как будто оказалась в ином, разделяющем жизнь мире. Это было зазеркалье праздника, обострённое восприятие прекрасного, всего того, что было связано с понятием **Москва**.

Семидесятые годы. Театр Сатиры. Спектакль «Женитьба Фигаро». Я, молоденькая провинциалка, впервые посетившая Москву, сижу во втором ряду партера и впитываю по капле этот праздник. Моё обострённое подсознание бьёт как удар колокола: «Это только сейчас, это никогда не повторится». Ах, милый Гёте, как вы были правы: «Остановись мгновенье, ты прекрасно!». Но остановить его невозможно. И вот Миронов в своём зеркальном костюме, задыхаясь от жуткого напряжения, заканчивает последний монолог. То, что ему не хватает дыхания, видим только мы — первые ряды партера, и это тоже оно — мгновение.

Спасибо, Москва!

Выходя из театра, я осторожно несу свои чувства как хрупкий стеклянный сосуд.

— Девушка, с вами можно познакомиться?

Бац! Сосуд разбился вдребезги.

Черноволосый невысокий парень не отстаёт.

— Девушка, ну если мы познакомимся, ничего же не будет?

А у самого в глазах читается: «Будет-будет, ещё как будет».

«Глупец, — подумала я, — ты приземлил меня на уровень плинтуса, и поэтому в космонавты я тебя не возьму». Мы жили в эпоху первых полётов в космос, и поэтому тема космонавтики была невероятно популярна.

— На улице не знакомлюсь, — гордо отвечаю я, не подозревая, что более глупо-провинциальную отговорку придумать невозможно. Парень смеётся в голос и, понимая, что я не москвичка, оставляет меня в покое. Я возвращаюсь в гостиницу «Россия», где, как ни странно, жили в то время одни провинциалы. Тогда я ещё и представить не могла, что заполучить номер в московском отеле — отдельное приключение.

В первый же день приезда, зайдя в буфет (он так и назывался — «Буфет»), мы с подругой были ошеломлены количеством лиц, говорящих на грузинском, армянском, азербайджанском языках. Эти люди жили там месяцами, заплатив очередную мзду администраторам. Вечером мы закрывали наш номер на два оборота ключа, так как по ту сторону двери нас горячо убеждали в том, что только для нас приготовлены в номерах армянский коньяк, грузинские мандарины, азербайджанская бастурма. Мы тихо шептались, не подавая голоса и боясь, что нашу дверь будут штурмовать, как «Зимний», но когда это не происходило, прыскали от смеха в подушку. Две восемнадцатилетние глупые провинциалки. Впрочем, моя подруга себя таковой не считала. Она была дочерью певицы нашего местного разлива и потому чувствовала себя представительницей городской элиты.

Её мать обладала природным сильным голосом с народным тембром и в своё время прошла такой же путь, как и Людмила Зыкина, от слесаря или токаря — до певицы. Свою дочь Светлану она теперь шикарно одевала и по-своему любила, но особенным вниманием не баловала,

так как был младший мальчик от молодого мужа. Нашу дружбу певица одобряла, поняв своей женской, просто-народной интуицией, что я, как и её дочь, во все тяжкие пускаться не буду, а тоже жду принца на белом коне.

— Девчонки, — говорила она нам своим низким голосом народного самородка, — мужей искать не надо, они сами к вам придут, ведь вы такие хорошенькие.

Певица была права. Светлана — жгучая брюнетка с великолепной фигурой, я — блондинка с ногами от плеч, мы прекрасно дополняли друг друга, и обе были уверены: принцы свалятся на нас именно в Москве — городе, где сбываются мечты и куда мы стремились с одержимостью юности. Мама Светланы благодаря своим связям в Министерстве культуры устроила нас в ту самую «Россию» — самый респектабельный по тем временам отель в Москве (после «Интуриста»), и мы носились по городу, изучая в основном его театральные достопримечательности. «Большой» — с Образцовой в роли Кармен, «Таганка» — с Высоцким-Гамлетом, «Сатира» — Миронов, Папанов, Ширвиндт. Это было духовное пиршество, которое мы смаковали, не подозревая, что присутствуем на пике расцвета театральной Москвы.

СЮРПРИЗ

Прошло полтора года после моего первого визита в столицу. За всё это время в моей повседневной жизни не было ничего такого, что могло затмить яркость тех

московских впечатлений. Я верила, что обязательно окажусь там вновь, и не ошиблась.

— Мы завтра летим в Москву. — Моя новая подруга Лида заговорщицки улыбается. Она знает, что слово «МОСКВА» действует на меня магически и я готова отсалютовать о своей готовности в любой момент. Официальная версия нашего отъезда — приобретение хороших вещей, тогда многие за этим ездили в столицу. На самом деле мы жаждали окунуться в мир большого праздника под названием «Москва». В столице нас ждала приятная неожиданность: родственник Лиды, работник райкома, достал билеты на просмотр фильмов Международного кинофестиваля, проходившего тем летом в столице. И вот мы стоим в полной боевой готовности у входа в престижный кинотеатр «Зарядье», располагавшийся тогда в гостинице «Россия».

Прикид у нас вполне московский: замшевые мини-юбки, высокие каблуки, а на лицах огромное желание нравиться и покорять, покорять, покорять. Где вы, принцы? Ау! Но, зайдя в кинозал, мы понимаем, что не только принцы, но и простые смертные не увидят нашей красоты. Мы опоздали на сеанс и, попав с солнечной улицы в тёмный зал кинотеатра, просто ослепли. Светился лишь экран, на котором постаревшая Софи Лорен крутила роман с Ричардом Бартоном.

— Темно, как у негра в ж...е, — прошептала Лида, успевшая к тому времени побывать недолго и не совсем успешно замужем, и поэтому по части крепкого словца была более продвинутой, чем я.

— Иди за мной, смотри под ноги, — пропела подруга мне в ухо и прошла вперёд. Но я встала как вкопанная. Перспектива сделать шаг в темноте неизвестно куда и рухнуть посреди небольшого зала с моих

восемнадцатисантиметровых каблучков меня вовсе не прельщала. В этот момент кто-то из сидящих довольно властно взял меня за руку и потянул вниз. Я удачно приземлилась на свободное кресло и облегчённо вздохнула.

— Спасибо, — благодарно прошептала я своему спасителю, так и не увидев в темноте, мужчина это или женщина. На экране страдали великие артисты, не имея возможности любить друг друга. Это был очень целомудренный фильм «Поездка», и, когда он закончился, все облегчённо вздохнули. В зале вспыхнул свет, и тут произошло НЕЧТО. Все зрители, сидевшие в первых рядах этого уютного небольшого зала, встали и, развернувшись, обратили свои взоры почему-то... на меня. Иностранцы щелкали фотоаппаратами, стараясь подойти поближе, женщины смущённо улыбались, а мужчины удивлённо тарасили глаза. Из зала никто не выходил, наоборот, все остановились и смотрели, не отрываясь, как будто там, где я сидела, было какое-то магнитное поле. Я замерла, боясь пошевелинуться, и вдруг увидела свою подругу. Находясь под воздействием общего гипноза, она тоже смотрела в мою сторону, но не на меня, а немного правее. И я поняла, что все это внимание, эти вспышки фотоаппаратов, улыбки и интерес относятся не ко мне, а к моему благородному соседу или соседке справа. Я очень медленно повернула голову и увидела великолепную улыбку и такой знакомый всем и каждому в нашей стране косящий глаз. Этот глаз озорно подмигнул мне, и человек встал. Это был Савелий Крамаров — гениальный комедийный артист, безумно популярный в то время и любимый миллионами. Именно он усадил меня рядом с собой, понимая, что я ничего не видела в темноте.

— Ну, ты даёшь, подруга! И как тебя угораздило сесть с ним рядом?

Лида немного завидовала, а я залюбовалась этим замечательным актёром. Таким его мало кто видел. Прекрасно уложенные, почему-то рыжие с красноватым оттенком волосы до плеч, великолепная стройная фигура, затянута в импортный джинсовый костюм модного тогда голубого цвета. Он с удовольствием позировал перед объективами, радовался как ребёнок аплодисментам и вниманию зрителей. Очевидно, это был его звёздный час, и мне тоже перепало немного этой звёздности. Мы с подругой вышли из кинотеатра притихшие и обалдевшие.

— Везёт же тебе, — Лида не скрывала досады. — Я и не представляла, что он такой!

— Какой? — я ждала, чтобы она сказала первой.

— Ну, такой! — Лида замолчала, подыскивая слова.

— Красивый? — подсказала я.

— Да-да, красивый! — она радостно повторила и взяла меня за руку. Мы облегчённо вздохнули, потому что поняли друг друга, и ещё потому, что это нас объединило. Вся страна воспринимала по фильмам этого замечательного артиста как убогого дурачка, а мы увидели его таким, каким он был в жизни: настоящим, красивым, модным, элегантным мужчиной.

Это был сюрприз Москвы 70-х.

СТУДЕНЧЕСКИЙ ХЛЕБ

Как это ни странно, но в таком большом мегаполисе, как Москва, можно было порой случайно встретить знакомого из своего родного города.

Эти встречи не обязательно оказывались приятными, но они были неизбежны.

Студентка московского медицинского института Наташа выплыла прямо на нас из снопа солнечного света на улице Горького (ныне Тверская). Лида радостно вскрикнула, она была с ней близко знакома, а я скромно поздоровалась.

В нашем родном городе эта особа проходила под кодовым именем «Русалка». Действительно, длинные прямые обесцвеченные волосы она распускала до энного места, и они развевались на ветру как флаг. В этом была её необъяснимая привлекательность. Сейчас она стояла перед нами посреди оживлённой улицы, радостно улыбаясь. А от прежней Русалки остались лишь светлые волосы, уложенные в короткое каре а-ля Мирей Матьё, только в блондинистом варианте. Эта короткая стрижка удивительно подчёркивала её выразительные карие глаза.

— Девчонки! — затарахтела она, сверкая глазами. — Вот здорово, что мы встретились. Я сейчас быстренько зайду в магазин, куплю продукты на ужин, и мы куда-нибудь завалимся все вместе.

Мы подошли к продуктовому, одному из первых — без продавца! Это были магазины самообслуживания: надеясь на совесть советских людей, их открывали в порядке эксперимента. Конечно, они не имели ничего общего с современными огромными супермаркетами с охраной и видеокамерами. Зато в то время государство нам доверяло, и это было очень необычно.

Две провинциалки с любопытством смотрели сквозь стекло витрины, как уже ставшая москвичкой Наташа сама (представляете, сама!) выбирает продукты. Более того, она зашла в магазин с хозяйственной сумкой, и это тоже было в порядке вещей. «Мы вам доверяем!»

Целых полчаса мы с Лидой толклись у витрины и были поражены, увидев, что Наталья подошла к кассе с двумя плавлеными сырками. Мы удивлённо переглянулись, но ничего не сказали. Может быть, так и надо в магазине без продавца? Сами мы не рискнули зайти, испугавшись своей провинциальной некомпетентности. Вскоре наша троица уже сидела в небольшой забегаловке, заказав бутерброды и кофе. Лида всё-таки не выдержала:

— Наташ, ты что, на диете?

— С чего ты взяла? — жуя бутерброд, Наташа удивлённо вскинула брови.

— Ну как же, — не унималась Лида, — всего два сырка на ужин?

Светлая головка откинулась назад, и бывшая Русалка зашлась в приступе смеха. Карие глаза озорно сверкнули.

— Смотрите!

И эта белокурая бестия начала доставать из сумки целый продуктовый набор: палка колбасы, консервы, сыр, какие-то бублики, творог. Видя, что глаза у меня уже лезут под чёлку, Лида всё-таки уточнила:

— А-а, наверное, ты оплатила, когда мы не видели?

— Да ничего я не оплачивала. ТАК взяла и положила в сумку.

— Как это «ТАК»? — Я поперхнулась бутербродом и закашлялась. Лида участливо постучала по моей спине, а потом легонько ущипнула. Мол, молчи, дурочка, мы, наверное, чего-то не понимаем.

— Да, вот просто взяла и всё. Я часто так делаю, и не я одна. У нас все студенты этим промышляют.

Наташа всем своим видом показывала безразличие к данному процессу. Я же стала медленно и тупо краснеть, как будто эти продукты спёрла из магазина я.

— А как же стипендия? Ведь вам платят стипендию, — тихо прошептала я, бросая ей последний спасательный круг. Но я забыла, что Русалки прекрасно плавают и спасательный круг им не нужен.

— Ха, ты попробуй проживи на эту стипендию. На шмотки всё уходит. А цены знаешь какие? Всё же у фарцовщиков покупаем.

Действительно, Наташа одевалась очень стильно, её вещи были явно не из магазина, где висел жуткий советский «ширпотреб», а если и появлялось что-то импортное, то очереди за ним измерялись километрами.

Я знала, что семья Наташи совсем не бедствует. Интеллигенты в нескольких поколениях, они жили весьма солидно для того времени и полностью обеспечивали её благополучное существование в Москве. Поэтому мне представлялось немыслимым то, что она сделала сейчас и, как оказалось, делала постоянно. Её следующая фраза привела меня в полное замешательство.

— Я иногда делаю это из кайфа, а не потому, что мне не хватает продуктов. Если никто не видит, почему бы не взять?

«Да она не воровка, а просто нахалка», — подумала я, но вслух уже ничего не сказала. Наташа была приятельницей моей Лиды, а у той не могло быть плохих подруг. Просто это была Москва, и тут все жили несколько иначе.

— Ну, а сейчас мы идём к Сёме. — Наташа аккуратно завернула в салфетку надкусанный бутерброд и положила его в сумку.

— К какому ещё Сёме? — воскликнула я возмущённо, обращаясь почему-то к Лиде, а не к Русалке.

— Тише ты. Не шуми. — Наташа заговорщицки приложила палец к губам.

— Сёма — это мой знакомый фарцовщик. Вам шмотки хорошие нужны или нет?

— Нужны, нужны. — Лида заулыбалась и согласно закивала, пытаясь изобразить из себя тихую гавань, неподвластную московским штормам.

— Ну, тогда пошли. Только знаете что? — Наташа в задумчивости остановилась. — Его нужно предупредить заранее, иначе он дверь не откроет.

Сейчас, когда вся страна свободно продаёт и покупает сделанное за её пределами, может показаться странным и абсурдным, что тогда, в 70-е, фарцовщиков отправляли в места не столь отдалённые, если они попадались на частной торговле импортом. Поэтому обслуживали они только постоянных клиентов и всегда с большой осторожностью.

Мы подошли к ближайшему телефону-автомату, и Наташа, набрав номер, что-то пропела в трубку. Но, видимо, Сёма не соглашался принять клиентов в таком количестве, да ещё и незнакомых, поэтому голос нашей Русалки стал жёстким и напряжённым.

— Да не бойся ты. Это девчонки из моего города. Я их сто лет знаю. Не подведут. Да помню, помню, по одному зайдём, по одному! — Она повесила телефонную трубку и вздохнула. — Еле уговорила, он уже тени своей боится. Недавно его друга «замели», вот он и дрейфит. Ну что, пошли? — и, подхватив нас под руки, буквально потащила к метро.

Мы вышли на «Текстильщиках» и долго пробирались между домами, пока не подошли к заветному подъезду.

— Заходим по одному, чтобы соседи ничего не заподозрили, — предупредила Наташа, назвав нам номер квартиры.